

но появляются *самоуверенность, жадность и непрактичность* (во взаимосвязи с *ленью*). Если учесть и единичные ассоциаты типа *трусость, отсутствие мужественности, невоспитанность, глупость*, то выходит, что русский мужчина в глазах информанток едва ли «собрание всех возможных пороков».

Доминирующие **положительные** качества русских мужчин плохо поддаются систематизации (напомним, что плохо поддаются систематизации и **отрицательные** качества русских женщин). Причина в том, что ИИ «слишком мало» положительных качеств, и в результате названные качества ни по частотности потенциально доминирующего обозначения, ни по разнообразию смежных по смыслу лексем не могут быть вынесены в число наиболее характерных.

К примеру, фиксируется в ответах информанток *патриотизм*, но всего в двух случаях (из 36 опрошенных); фиксируется *ум*, но всего в четырёх случаях (опять-таки из 36); аналогично отмечаются единичные фиксации лексем *сила, мужественность, кормильцы* (соотнесённость с отмеченным в характеристиках женщин значимым параметром *семья*), *сексуальность, обаятельность* (можно соотнести с базовым женским положительным качеством *красота*) и др.

Таким образом, **высказанную выше гипотезу можно считать подтверждённой на две трети**, а именно:

1) у современных девушек слабо развито («девальвировано») понимание, в чём сущность «русского характера» в целом;

2) крайне деформировано, искажено – до «обращения в противоположность» – представление о своеобразии национального характера русских мужчин;

3) представление о своеобразии национального характера русских женщин стремится свестись к исчерпывающей характеристике идеала «женщины вообще».

Приходится делать вывод об **отсутствии** у информанток сколько-нибудь ясно сформированного **положительного идеала**, связанного с человеческим типом, который характеризуется словосочетанием *русский мужчина*. И это несмотря на многолетнее изучение русской литературы и истории в общеобразовательной школе и вузе! Несмотря на фильмы и книги о сильных, самоотверженных, благородных...

Итак, «в финальной интерпретации» приходится трактовать полученные экспериментальные результаты как **отражение очевидного духовного неблагополучия**.

И. Б. Хоменко

**РУССКОЕ / НЕРУССКОЕ
КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ ОППОЗИЦИИ СВОЁ / ЧУЖОЕ**

This article clarifies the status of emergence of a norm in correlation with the system of nationally stipulated conventions. It is established that the opposition Russian – non-Russian is a particular case of the exposure of local identity and plays a distinguishing role in the semantic space of norm and anti-norm.

Key words: norm, anti-norm, opposition Russian – non-Russian, local identity.

Оба элемента оппозиционной пары норма / антинорма имеют достаточно разработанные семантические поля, формированию которых способствуют более частные оппозиции, надстраиваемые над основной. Данная оппозиционная пара представляет собою всего лишь фрагмент общей парадигмы, внутри которой наблюдается гораздо большее количество противопоставлений. Это такие оппозиции, как консервативное и прогрессивное, устойчивое и изменяемое, старое и новое, своё и чужое и т.д. При этом вариативность выбора внутри данных оппозиций обусловлена, кроме того, этничностью и историческими изменениями. Существует некоторый набор константных параметров, односторонне закреплённых в качестве показателей нормы и антинормы. При этом все они обладают противоположной оценочностью, хотя оценочность эта может быть и интенсивной, и практически не выраженной. Однако число константных параметров, позволяющих провести чёткую границу между областью нормативного и ненормативного, очень незначительно, поскольку двойственность, амбивалентность взгляда на мир, характерная для русского человека, влечёт за собой и сложную систему взаимодействия между нормой и антинормой, что проявляется в том, что большинство критериев, по которым действительность оценивается в дихотомии норма / антинорма, допускает «перемену знака».

Между нормой и антинормой устанавливается сложный комплекс отношений. Это одновременно и взаимоотрицание, и взаимовыводимость. Указания на отклонение от нормы одновременно объективируют норму. При передаче отклонения от нормального хода событий смысл является открытым. Число и характер связей не лимитированы, не могут быть исчислены. Смысл целого не может быть выведен как единственный и конечный результат определённых операций.

И. М. Сеченов, выделяя этапы познавательного процесса, отмечает, что фрагменты мыслительной структуры обычно связаны между собой одним из трёх типов отношений: 1) по сходству, 2) пространственными отношениями или 3) преемственностью во времени (как члены последовательного ряда)¹. Естественно, что эти фрагменты мысли

¹ См.: Сеченов И. М. Элементы мысли // Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М.: Наука, 1947. С. 467.

находят своё воплощение в языке, объективируясь через операцию сравнения, пространственные категории и через фиксацию изменений, происходящих во времени.

Суть процесса категоризации заключается в интерпретации сложного через простое, ненаблюдаемого через наблюдаемое, идеального через материальное, предметное и т.п. На метафорический перенос из наблюдаемого мира физических явлений в мир ненаблюдаемых идеальных сущностей как на одну из наиболее фундаментальных связей, формирующих семантическую структуру языковых единиц всех уровней, указывает, в частности, А. А. Зализняк¹. Именно для семантического анализа абстрактной лексики, к которой относится огромный пласт слов, репрезентирующих как норму, так и антинорму, весьма продуктивным является исследование их метафорической сочетаемости в целях выявления конкретного образа, который сопоставим в наивной картине мира с данным абстрактным понятием. Этот приём, как известно, один из центральных принципов когнитивной лингвистики. В. А. Успенский называет этот реконструируемый конкретный образ «вещной коннотацией»². Это «не просто сопоставление и сравнение, а установление аналогии и уподобление, не восприятие структуры и устройства, а их проецирование и “наложение”, не распознавание целого, а его “достраивание”, не улавливание категориального сходства, а его формирование и т.п.»³. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «обычно нефизическое концептуализируется в терминах физического, то есть мы концептуализируем то, что определено менее чётко, в терминах того, что определено более чётко»⁴. Таким образом, происходит замена абстрактных, нечётко определённых понятий теми, которые осознаются более чётко.

Пространственное членение как физического, так и по аналогии с ним ментального пространства представляет собой частный случай действия оппозиции свой / чужой. Кроме того, на пространственное членение в этой связи неизбежно накладывается оценочная оппозиция хороший / плохой, «через которую “прогоняется” вообще весь набор оппозиций в любой модели мира»⁵. Положительным при этом оказывается внутреннее, близкое, своё, а отрицательным – внешнее, далёкое, чужое – чужой локус. Пространство, таким образом, становится аксиологической категорией.

¹ Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы её представления. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 18.

² Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. М.: ВИНТИ, 1979. Вып. 11. С. 121.

³ Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. С. 30.

⁴ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 96.

⁵ Цивьян Т. В. Модель мира и её лингвистические основы. М.: КомКнига, 2005. С. 77.

В данном случае «обезличиванию» подвергается «чужой» мир, который воспринимается нерасчленённо, в нём нет дискретных объектов. Подобный приём является следствием пейоративного отчуждения¹. Суть последнего состоит в том, что «говорящий, отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает объект из своего культурного и/или ценностного мира и, следовательно, отчуждает его, характеризуя его как элемент другой, чуждой ему и враждебной ему (объективно или субъективно – в силу собственной враждебности) культуры, другого – чуждого – мира»².

Определение статуса явления как нормы или антинормы предполагает его соотнесение не только с объективной реальией и сознанием субъекта, но и с определённой системой национально-обусловленных конвенций. Поэтому частным случаем воплощения универсальной семантической оппозиции свой / чужой является оппозиция русский / нерусский. Действительность начинает оцениваться через призму данной оппозиции в том случае, если подчёркивается соответствие / несоответствие не просто общечеловеческим универсалиям и представлениям, но и национальным. Данная оценка, функционируя в оппозиции своё / чужое, уточняет, конкретизирует её значением русское / нерусское (иностранное). Оппозиция норма / антинорма является в данном случае результатом действия механизмов национальной идентификации и национальной специфичности, которые выступают как взаимообуславливающие. «Для того чтобы провести процедуру своей идентификации, человек должен установить свою национальную специфику относительно других народов...»³ Но при этом следует учесть, что «...любая идентичность устанавливается не сама по себе, не внутри самой себя, но только относительно чего-то / кого-то внешнего и, таким образом, состоит из двух моментов: первое – установление сходства с некоторым классом предметов и различия с прочими классами аналогичных предметов. <...> процесс самоидентификации – это процесс сопоставления своих собственных качеств с качествами иных групп людей, процесс выявления сходства с ними и отличия от них»⁴.

Оценивающий субъект при этом может находиться как в одной, так и в другой плоскости. Наблюдаемое может соответствовать / не соответствовать русским традициям, русскому характеру, т.е. собст-

¹ См.: Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 17.

² Там же.

³ Строганов М. В. Процедуры осмысления национальной специфичности в русской культуре XIX века // Межкультурная коммуникация в современном славянском мире: Материалы первой международной научной конференции. Тверь: Типография Алексея Ушакова ТУШ, 2005. Т. II. С. 4.

⁴ Там же. С. 8.

венному мнению о себе как о народе, и потому являться обычным / необычным с позиции русского человека. С позиции иностранца (образ русского в глазах других народов) наблюдаемое может соответствовать его представлениям о жизни и потому являться обычным, нормальным (об этом, как правило, не говорится) или не соответствовать в силу того, что является специфическим проявлением «русского» (например, ставшие клишированными фразы *загадочная русская душа, странные русские*). Таким образом, принципиально важной в системе бинарной оппозиции свой / чужой становится авторская позиция, ибо типология национального неизбежно объясняется «зависимостью от того, на какой позиции находится описывающий, т.е. в конечном итоге от того, к какой культуре он сам принадлежит»¹. Чтобы выявить национальные особенности, нужен взгляд «со стороны», поскольку «“русский душой” человек не может логически “расчислить” данности русской ментальности, то есть не способен найти логически определяемые критерии собственной национальной самоидентификации»².

«Русское» в зависимости от точки зрения может быть своим, обычным, традиционным, а может быть чужим, необычным, непонятным. Эти две оценки могут совмещаться в одной в том случае, если оценивающий субъект отстраняет себя от понятия «народ», смотрит на происходящее как бы со стороны, но при этом остаётся принадлежащим данному этносоциуму. Тогда слова «русский», «обычай», «традиция» осознаются как свои, но не получающие безусловного одобрения, а следовательно, странные. Известно, что любой «взгляд со стороны» почти автоматически порождает иронию, обеспечивающую дистанцию между действительностью и оценивающим её субъектом: *...ничего про русский народ не понять* (Т. Н. Толстая. «Главный труп»); *Мне хотелось про жизнь и про народ. Про загадочный русский народ. Это тайна почище пирамиды Хеопса* (Т. Н. Толстая. «Мюзикки и Нострадамус»).

Чтобы определить аспекты своего, нужно отмежеваться от чужого. Поэтому подчёркивается инаковость чужих – как внешняя, так и внутренняя. На фоне «своего» иностранное выделяется внешне: *В немецких городах несколько поразил его странный склад тела немцев, лишённый стройного согласия красоты <...>; немецкий язык также поразил неприятно его музыкальное ухо* (Н. В. Гоголь. «Рим»); *Иностранца я всегда сумею отличить от наших советских граждан. У них, у буржуазных иностранцев, в морде что-то заложено другое. У них морда, как бы сказать, более неподвижно и презрительно держится, чем у нас* (М. М. Зощенко. «Иностранцы»).

¹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Языки славянских культур, 1992. С. 387.

² Кошелев В. А. «Евгений Онегин»: специфика национального ориентирования // Межкультурная коммуникация в современном славянском мире. Т. II. С. 49.

Кроме того, это другой образ жизни, другие привычки: *Чудная, чудная страна Япония, всё в ней не так, всё по-другому, и понять хочется, и понимаешь, что невозможно ни в чём разобраться.... <...> предаться свободному глазению на чужую еду, на невиданные овощи и странные фрукты было некогда. <...> У японцев всё непонятно, и глаз всё время обманывается, как и вкус... (Л. Е. Улицкая. «Кимоно»); Берсеневу, как коренному русскому человеку, эта более чем немецкая аккуратность сначала казалась несколько дикою, немножко даже смешною; но он скоро привык к ней и кончил тем, что находил её если не почтенною, то по крайней мере весьма удобною (И. С. Тургенев. «Накануне»); ...как русский актёр воссоздаст эти величавые и мрачные, гордые и самобытные шекспировские лица, <...> – лица, совершенно английские? Они для него так же странны, как человек, который бы нюхал глазами и ушами пел бы песни (А. И. Герцен. «Сорока-воровка»).*

На основе этого происходит включение индивида в ту или иную группу (в данном случае определение его как русского) или исключение из неё: *Какой-то ты не русский. <...> Мечты нет у тебя, лирики нет, всё рассуждаешь (М. Горький. «Жизнь Клима Самгина»).* Для этого используется определённая нормализация, которая, с одной стороны, служит для придания однородности этой группе, а с другой стороны, для обнаружения различий, способных выявить «чужих». Идентификация со своими (с нацией) создаёт образ чужого, который может переосмысляться в образ врага, угрожающего разрушению традиционной системы ценностей, что приводит к преобладанию негативной оценки в отношении «чужих», а также к агрессии по отношению к ним как средству защиты своего. Как отмечает К. Ажеж, «для любой культуры любой Другой – источник изумления независимо от того, вызывает ли его экзотичность интерес или настороженность»¹. «Чужой», таким образом, это «маркированный элемент, значимый в рамках системы ценностей, которую носитель каждой конкретной локальной традиции воспринимает как “свою”»².

Иностранное – это «не своё» и потому удивительно: *Он, верно, много нарасказал бы дивного. Да как и не рассказать, бывши так долго в чужой земле! Там всё не так: и люди не те, и церковей Христовых нет (Н. В. Гоголь. «Страшная месть»).*

Иностранное чаще всего характеризуется негативно или получает неопределённую, подчас противоречивую характеристику: *Демьяныч туземцев не то что презирал, а как-то совсем не считал людьми, избегал непосредственных отношений с ними. <...> Для него на-*

¹ Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 278.

² Белова О. В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. С. 11.

чальник был хотя и человек, но не совсем настоящий; немец, не соблюдавший русских обычаев, редко бывавший в церкви (З. Н. Гиппиус. «Голубое небо»); Старый же Берестов, с своей стороны, хотя и признавал в своём соседе некоторое сумасбродство (или, по его выражению, английскую дурь), однако же не отрицал в нём и многих отличных достоинств (А. С. Пушкин. «Барышня-крестьянка»); Необходимо добавить, что на поэта иностранец с первых же слов произвёл обратительное впечатление, а Берлиозу скорее понравился, то есть не то чтобы понравился, а... как бы выразиться... заинтересовал, что ли (М. А. Булгаков. «Мастер и Маргарита»). «Другое» поведение, образ жизни может оцениваться как проявление глупости, т.е. как отклонение от нормального образа жизни: Там (в Финляндии), говорят, квартиры можно даже не закрывать. А если, например, на улице гражданин бумажник обронит, так и бумажника не возьмут. А положат на видную тумбу, и пуцай он лежит до окончания века... Вот дураки-то! (М. М. Зощенко. «Воры»).

Таким образом, локальная идентичность, устанавливаемая через оппозицию своё / чужое, конкретизируется в более частной оппозиции русское / нерусское, которая выполняет дифференцирующую роль в семантическом пространстве нормы и антинормы. При этом происходят смысловые сдвиги от фиксации странного поведения к идее причинения вреда или к идее потешности, шутовства.

И. В. Гладилина, Е. Г. Усовик

МЕХАНИЗМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

The article is devoted to the formation of speech and language competence of foreign students on the material of a fictional text in teaching the Russian language on the advanced level. A method of modelling the conceptual space of a fictional work can be regarded as one of the approaches to the interpretation of the text, with “fictional concept” becoming the main operational concept, reconstruction of which can be performed in different ways.

Key words: conceptual space of a fictional text, writer's lexicography, ideographic vocabulary, method of discursive analysis.

При работе над формированием языковой и речевой компетенции студентов, изучающих русский язык как иностранный, на первый план выходит работа с художественным текстом, обладающим мощным культурологическим потенциалом, а потому являющимся основной